

А. В. Болотнов

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ УЗУС И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КОНЦЕПТ ХАОС В ЛИРИКЕ М. А. ВОЛОШИНА, М. И. ЦВЕТАЕВОЙ, О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Анализируя вербализацию концепта *хаос* в лирике трех поэтов серебряного века М. А. Волошина, М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама, автор рассматривает соотношение узуального и индивидуально-авторского в содержании, структуре и средствах репрезентации одного из ключевых концептов в литературе рубежа веков.

Ключевые слова: *концепт хаос, поэтический дискурс, стилистический узус, идиостиль, текстовые ассоциации, направления ассоциирования.*

Для выявления общности и индивидуально-авторских особенностей в содержании, структуре и образных способах репрезентации одного из ключевых концептов лирики рубежа веков – концепта *хаос* необходимо рассмотреть вопрос о стилистическом узусе и идиостилевых особенностях прямой или косвенной (ассоциативной) вербализации данного концепта в текстовой деятельности поэтов, принадлежащих к разным эстетическим школам. Важно и то, что данный концепт имеет культурную значимость, т. е. является концептом-универсалией, репрезентируемой в разных сферах общения как элемент национальной концептосферы.

В связи с этим за основу нами была взята концепция Т. Г. Винокур, которая разработала теорию о соотношении понятий *акт речи – узус – норма* [1]. «Узус (употребление), норма и акт речи объединяются в понятие языковой реализации и могут представлять собой единый объект изучения...» [1, с. 20].

Автор выделил ряд особенностей стилистического узуса: 1) «многомерное использование одних и тех же языковых реалий, способных выполнять целый комплекс экспрессивных стилистических заданий согласно условиям речи» [1, с. 22]; 2) «особое поле действия названных закономерностей», включая наряду с литературными элементами элементы просторечия, диалектов и т. д. [1, с. 25]; 3) «основное условие действия стилистического узуса – строгий синхронный срез» [1, с. 28]. По мнению исследователя, при анализе явлений узуального характера следует искать объединяющее начало. Изучая стилистический узус, Т. Г. Винокур справедливо призвала опираться на экстралингвистические факторы: «При изучении узуального стилистического комплекса обращение к экстралингвистическим условиям его действия составляет неотъемлемую часть анализа, так как одну пару в составе его компонентов – задание – эффект – мы имеем право рассматривать как понятия, принадлежащие только процессу коммуникации» [1, с. 92]. Еще одной важной особенностью стилистического узуса является «усреднение»: «Коллективная речевая деятельность непре-

менно предполагает некое «усреднение», выработку нейтральных приемов изложения, сглаживание субъективных отклонений от узуса» [1, с. 121]. Исследователь подчеркивает внеязыковую причинность образных дефиниций, напоминая нам о социолингвистической природе самого стилевого узуса [1, с. 142].

Узуальные особенности можно выявлять, не только сопоставляя тексты одного стиля (в данном случае художественного), но и одного жанра, а также тексты, авторы которых принадлежат одному литературному направлению. Сопоставляя особенности репрезентации концепта *хаос* в лирике серебряного века, можно судить об общих особенностях, обусловленных спецификой поэтического дискурса вообще и дискурса серебряного века в частности. Индивидуально-авторские особенности текстовой деятельности могут проявляться на основе сопоставления разных поэтических систем авторов. Эти особенности могут определяться как своеобразием картины мира автора, так и особенностями его творческого метода (символизма, акмеизма и позицией «над направлениями»). Творческий метод находит отражение в мировидении автора и его стиле во всем многообразии его проявлений, включая средства эстетического выражения авторской концепции.

Индивидуально-авторскую специфику в актуализации концепта *хаос* можно исследовать, установив его своеобразие на уровне содержания (понятийного слоя), эстетической природы (образный и символический слои) и языкового выражения (индивидуальных изобразительно-выразительных средств). С точки зрения коммуникативной стилистики, индивидуальное в художественном концепте отражается и в характерных для автора способах регулятивности, в использовании особых регулятивных средств и структур, значимых для диалога с читателем (см. об этом подробнее [2]).

В свете теории текстовых ассоциаций [3–5 и др.] проведение сопоставительного анализа разных форм имплицитного отражения концепта возможно на уровне различных *направлений ассоциирования*, отражающих разные грани концепта *ха-*

ос. При этом важны количество и характер данных направлений ассоциирования, состав связанных с ними ассоциативных рядов и средства их репрезентации у разных авторов. Так или иначе в разной степени в лирике поэтов нашли отражение философский, социальный, психологический, творческий, природный аспекты проявления хаоса.

Нами было выделено разное количество направлений ассоциирования в творчестве Волошина (6), Цветаевой (7), Мандельштама (8). Это связано с характером текстовых ассоциатов и их смысловой и тематической сопряженностью, по-разному актуализирующих разные грани концепта хаос в поэтической картине мира авторов. Например, в лирике М. Волошина [6] связь концепта хаос с первоосновой бытия неразрывно соотнесена с космосом (вселенной), что обусловлено философией поэта и его увлечением идеями космизма. Это и определило выделение ассоциативного направления хаос – первооснова бытия – бездна – космос (вселенная). В творчестве Цветаевой идея первоосновы бытия оказалась вообще неостребованной, хотя направление ассоциирования хаос – вселенная – космос (планеты) представлено в ее лирике. В поэзии Мандельштама [6] данные направления ассоциирования хаос – первооснова бытия и хаос – вечность – тайна – космос (небо, планеты) оказались никак не связанными друг с другом, поэтому каждое из них было выделено и рассмотрено отдельно.

Социальный аспект концепта хаос в творчестве Мандельштама в связи с многоаспектной актуализацией потребовал выделения двух различных направлений ассоциирования: хаос социальный – страх – войны – смерть; хаос – смута – социальное зло – разрушение личности. В поэзии же М. Волошина и М. Цветаевой социальный аспект концепта хаос репрезентирован одним направлением ассоциирования. Это хаос – смута в обществе – стихия у М. Волошина и хаос – дисгармония – смута у Цветаевой.

Хаос в душе в одном случае получил однородную репрезентацию (в лирике Волошина это хаос – смятение в душе – любовь (страсть)). В других случаях душевная смута (хаос) нашла более дифференцированное отражение. В поэзии Цветаевой [7] это не только направление ассоциирования хаос – темная сторона души – любовь (страсть), но и хаос – мятежность в душе – свобода. Последнее связано со страстной натурой автора, его «безмерностью в мире мер». В лирике Мандельштама наряду с общим направлением ассоциирования хаос – темная сторона души – любовь (страсть) важное место занимает другое направление – хаос в душе – смятение – страх, что обусловлено трагическими обстоятельствами жизни и смерти поэта.

Связь концепта хаос со стихией поэтического творчества отмечается в лирике всех поэтов, однако в содержании этого направления ассоциирования, актуализирующего данную грань концепта, у разных авторов наблюдаются различия, связанные с акцентированием внимания на некоторых смысловых признаках и выдвигании разных текстовых ассоциатов. В лирике Волошина это направление ассоциирования хаос – творчество – гармония (ср.: *недра сознанья, дно лабиринта; и стих расцветает цветком гиацинта*); в стихах Цветаевой это хаос – первооснова поэтического творчества – страсть (*бумаг моих божественная смута; рифм обвал; бушующее море строф* и т. д.); в поэзии Мандельштама это хаос – тьма – тайна – страсть – творчество (*заводить кавардак; поэт в темноту погружен; какая-то страсть налетела; глухой недоразвиток, пространства внутренний избыток*).

Ассоциативное направление хаос – природные стихии нашло отражение в творчестве М. Волошина (ср.: *в дикой скачке тучи скачут, тучи в пляске завились; встал дыбом вал, ярясь и споря* и т. д.), О. Э. Мандельштама (ср. примеры: *разлом в природе, провал, мор, шумит тяжким грохотом* и др.), в отдельных случаях текстовые ассоциаты, связанные с этим направлением ассоциирования, представлены и в лирике Цветаевой, хотя и гораздо реже (*вздыбленные зыби, лавины листовенные, разливы листовенные* и др.).

Таким образом, художественный концепт как ассоциативная структура, имеющая разные ряды текстовых ассоциатов и различные направления ассоциирования, отражающие многоаспектность в ассоциативно-образном осмыслении концепта, получает многообразное отражение в лирике поэтов. Вместе с тем сами направления ассоциирования и некоторые текстовые ассоциаты повторяются в творчестве художников слова, что обусловлено общим литературным и социально-культурным контекстом эпохи, т. е. дискурсом серебряного века.

Остановимся подробнее на выявленных нами индивидуально-авторских особенностях отражения концепта хаос в творчестве Волошина, Цветаевой и Мандельштама, учитывая разные слои концепта.

1. *Понятийный слой художественного концепта хаос в его индивидуально-авторском проявлении.* В отражении концепта хаос в лирике М. Волошина, по нашим наблюдениям, наблюдается доминирование признаков соответствующего культурного концепта: *сила, величие, древнее начало, первооснова всего, начало и конец.* При этом преобладает философское осмысление данного явления, а направления ассоциирования хаос – перво-

основа бытия – бездна – космос – вселенная и хаос – рождение – смерть – жизнь являются наиболее значимыми для автора, судя по частоте их актуализации. В поэме «Путями Каина» – вершине поэтического творчества автора – данный концепт получает глобальное многоаспектное освещение, включая связь с категорией порядка и прогресса, определение роли хаоса в развитии и смене цивилизаций.

В творчестве М. Цветаевой такие признаки концепта хаос, как *страх, величие, начало и конец*, в их философском осмыслении не нашли отражения. Востребованными и актуализированными в стихах поэта стали другие потенциальные признаки концепта хаос: **максимализм** (разностороннее проявление признака сверх меры: *Что же мне делать, певцу первенцу... с этой безмерностью в мире мер?*), **огонь** (особенно часто актуализированный в рамках разных направлений ассоциирования: *огнедышащий холмик (стихи), жар десяти костров (любовь-страсть)* и т. д.), **болезнь** как отражение дисгармонии (ср. образы чумы: *чумная Москва; так чума веселит кладбище* и т. д.; бузины – *болезни века* в интерпретации автора), **кружение** (ср.: *смерч мчит, миры крутя; земли кружатся*).

В лирике О. Э. Мандельштама в рамках разных направлений ассоциирования преобладают такие признаки концепта хаос, как **угроза и страх** (ср. примеры: *угрожают нам эти миры, растяжимых созвездий шатры; что-то ползет, надвигается тучею, что-то наводит испуг* и т. д.); **отсутствие музыки как отражение дисгармонии хаоса** (*кузнечиков хор спит, глухота паучья* и др.).

2. **Образный слой художественного концепта хаос в его индивидуально-авторском проявлении.** Для отражения концепта хаос в стихах М. Волошина в основном характерны образы, типичные для соответствующего культурного и узуального художественного концепта. Необычным является образ *распятой страны*, характерный для характеристики социального хаоса.

В лирике М. Цветаевой к индивидуально-авторским образам, отражающим концепт хаос, можно отнести следующие: образы *страшного ниоткуда и никуда*; образ *бузины*, отличающийся полифункциональностью из-за одновременной связи с разными ассоциативными направлениями, актуализирующими социальный хаос, хаос в душе – мятежность; стихию чувств; образ *деревьев* (*лавины лиственные, разливы лиственные*); образ *полодеров-полодралов*, символизирующий силу, смерть, социальный хаос (*Полодеры-полодралы, / Полотеры-пролетары... По паркетам взгаркивая, / мы господ вышаркиваем! / Страсть-дела, / Жар-дела, / Красная гвардия!*).

В творчестве О. Мандельштама к индивидуально-авторским образам, связанным с концептом хаос, относится образ *омута*, актуализирующего признак «первооснова жизни» (*из омуты, злого и вязкого, я вырос, тростинкой шуриша*), образ *хмеля* (*кровавый хмель; они придут, хмельные, озверелые...*), образ *зверя* (*век-зверь, век-волкодав*), собирательный образ *жирности*, олицетворяющей дисгармонию в ее разных проявлениях (ср.: *жирны и синеглазы стрекозы смерти; золотые созвездий жирны*). Эстетика кажущейся безобразности (ср.: «Пиши безобразные стихи, если сможешь, если сумеешь» [8, с. 215]), уплотненности словесной ткани («Слово – плоть и хлеб» [8, с. 214]) нашла отражение в средствах художественного воплощения рассматриваемого концепта.

3. **Символический слой художественного концепта хаос в его индивидуально-авторском проявлении.** К индивидуально-авторским символам, связанным с концептом хаос в лирике М. Волошина, можно отнести: *разрыв цепей и звеньев* – олицетворение вселенского хаоса; *гуденье древних сфер* – символ первоосновы бытия; *лампа Психеи* – символ света и знания во тьме, противостоящий хаосу. В основном же автор использует символику, характерную для соответствующего культурного концепта (*океан, огонь, небо, комета, ночь, тьма*) и узуального художественного концепта (*бездна, пламя, пожар, вселенские бури, кровь*).

В творчестве М. Цветаевой особенно много оригинальной символики, актуализирующей концепт хаос, а также авторских трансформаций уже известных символов. К индивидуально-авторской символике можно отнести: образы-символы *рощи* (России) и *Дровосека* (народа), погубившего ее (в рамках направления ассоциирования, актуализирующего социальный хаос); образ *бузины*, олицетворяющий одновременно *смерть, смуту в обществе, страсть и болезнь века*: *В мелкой ягоде слаще яда! / Кумача, сургуча и ада! / Смесь коралловых мелких бус / Блеск, запекшейся крови вкус. // Бузина багрова, багрова! / бузина – целый край забрала / В лапы. Детство мое у власти. / Нечто вроде преступной страсти, / Бузина, меж тобой и мной. / Я бы века болезнь – бузиной – назвала*); образ *деревьев*, символизирующий природную стихию, защиту от хаоса, силу и мощь (*О чем шумите вы, / Разливы лиственные / ...Лавины лиственные, / Руины лиственные?*); образ-символ *зарыво*, олицетворяющий социальный хаос; образ *гулящей девки*, символизирующий стихию свободы, анархии (*Свобода – гулящая девка...*) и т. д.

Автор часто творчески трансформирует известные символы, связывая их с разными проявлениями концепта хаос и наполняя их новым смыслом. Сравним пример: *ветер* – в словаре симво-

лов отмечено, что это «мощный символ изменений, непостоянства, пустого бахвальства и эфемерности» [9, с. 40]. В лирике Цветаевой данный символ используется особенно часто в рамках разных направлений ассоциирования, актуализирующих концепт хаос. Ветер олицетворяет смерть, анархию (*Пурпуровое поветрие, / первый вестник мятежу, – / Ветер-висельник и ветреник...; Ветер, ветер в куртке кожаной, / С красной – да во лбу – звездой!*); воплощает дух свободы, мятежности в душе (*С лавром союз, с зорями, с ветрами союз, / Не монашествую я – веселюсь!*). Приведем еще несколько примеров образной трансформации символов в лирике поэта: символ *Птица Феникс* олицетворяет творческий жар, творческую страсть (*Птица-Феникс я, только в огне пою!*); *мятежный карандаш* символизирует свободное творчество (*И как-то не хотелось трогать мятежного карандаша*); *Вавилонская башня писаний* становится символом творческого хаоса, из которого рождается гармония.

Еще одной особенностью использования символов, связанных с концептом хаос в поэзии Цветаевой, является их связь на основе контраста: сравним противопоставление символов *небо* (олицетворяет высокое, гармоничное, противостоящего хаосу) и *небеса* (олицетворяет мятежный мир (ср.: *мчащиеся, рвущиеся, битвенные небеса*)). Хаос как то, что проясняет суть явлений, противостояит Свету, который скрывает эту суть, в лирике Цветаевой: *Свет – это только веко – / Над хаосом...* (ср. стихотворения М. Цветаевой «Ночь» и «Когда друг другу лжем...»). Следует отметить и смысловую насыщенность и многофункциональность символов в стихах поэта. Так, ночь является не только символом пробуждения темных сил в душе (*Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека, / Испепели меня, черное солнце – ночь!*), но и символом анархии, социального хаоса (ср.: *шалая, чумная ночь*).

В поэтическом творчестве О.Э. Мандельштама из индивидуально-авторских образов-символов, актуализирующих концепт хаос, отметим следующие: *мировые пучины* – символ стихии, рождающей жизнь, и угрозы ей (в актуализации направления ассоциирования хаос – *первооснова жизни*); *бал-маскарад, скифский праздник* – символы разгула социальной стихии; *век-зверь, век-волкодав* – символы смерти и жестокости эпохи (в актуализации направления ассоциирования хаос – *смута – социальное зло – разрушение личности*); *глиняная жизнь*, символизирующая подавление личности в условиях социального хаоса; образ-символ *фатонщика*, олицетворяющий диктатора, творящего хаос.

Некоторые символы, связанные с культурным концептом хаос в лирике поэта, получают особое образное воплощение. При этом индивидуально-авторское смысловое наполнение символов отличается от данных словарей символов. Например, *вечность* олицетворяет величие и грозную силу (*полуночным валом катится, ее пенящиеся громады* и т.д.); *ночь* символизирует в лирике Мандельштама не только хаос в душе, страсть (ср.: *Федраночь* – в данном случае происходит совмещение двух символов), но и отражает связь с социальным хаосом (*черный бархат советской ночи*) и с космическим хаосом (*бархат всемирной пустоты*).

4. *Эмоционально-оценочный слой художественного концепта хаос в его индивидуально-авторском проявлении.* Выявлена общность оценки хаоса в его *социальном и творческом* проявлении в лирике Волошина, Цветаевой и Мандельштама: отрицательная в первом случае и положительная во втором. Отрицательное отношение к *стихии чувств, темной, губительной страсти (к хаосу в душе)* у М. Волошина и О.Э. Мандельштама совпадает. Что же касается М. Цветаевой, в силу свойственного ей максимализма и романтических устремлений ее оценка данного проявления стихии хаоса неоднозначна: любовь – *ады и рай, взлеты и бездны*. Сравним другие примеры: *каторжные страсти, страсть калечащая, темные смуты* и т.д., с другой стороны: *вздымаю пожар, жар десяти костров, жить приучил в самом огне* и т.д. Автор неоднократно подчеркивает мятежность души своей лирической героини, воспекает стихию в ее разных проявлениях.

Хаос в его *космическом* аспекте в творчестве поэта-философа М. Волошина, несомненно, окрашен позитивно. Это связано с преобразующим началом, с тем, что хаос ведет к развитию цивилизации, к торжеству нового (ср.: *пламя, угасшее в безднах, горит!*). В лирике Мандельштама космос – это не только и не столько отражение гармонии, к которой всегда стремился поэт, сколько угроза. В связи с этим на эмоционально-оценочном уровне хаос в его космических проявлениях имеет в стихах автора негативную эмоциональную окраску, так как связан с доминирующим в его творчестве мотивом страха.

Таким образом, послыйный анализ художественного концепта хаос в лирике поэтов, принадлежащих к разным творческим стилям и направлениям, позволил выявить как общность в содержании и структуре данного концепта, обусловленную культурным и социально-историческим контекстом эпохи серебряного века, так и индивидуально-авторские особенности, характерные для выдающихся художников слова.

Список литературы

1. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. 237 с.
2. Болотнов А. В. Регулятивные структуры как средство репрезентации концепта хаос в поэме М. Волошина «Путями Каина» (на мат-ле частей «Магия», «Порох», «Пар», «Машина») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2008. Т. 7, вып. 2. С. 22–26.
3. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль: монография. Томск, 2001. 331 с.
4. Болотнов А. В. О некоторых направлениях ассоциирования, отражающих концепт «хаос» в лирике М. И. Цветаевой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2007. Вып. 2 (65). С. 85–91.
5. Болотнов А. В. Репрезентация концепта хаос на основе текстовых ассоциатов в лирике О. Э. Мандельштама // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2009. Вып. 4 (82). С. 99–103.
6. Волошин М. А. Стихотворения. М.: Книга, 1989. 543 с.
7. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. 640 с. Т. 2. 592 с.
8. Мандельштам О. Э. Собр. соч.: в 4 т. / сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1994. Т. 1. 368 с.
9. Тресиддер Д. Словарь символов. М., 2001. 448 с.

Болотнов А. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: nisb@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 17.05.2011.

A. V. Bolotnov

THE STYLISTIC USE AND INDIVIDUAL TEXTUAL ACTIVITY: CHAOS CONCEPT IN POETRY BY M. A. VOLOSHIN, M. I. TSVETAeva AND O. E. MANDELSHTAM

In the course of *chaos* concept analysis in the Silver Age poetry of M. A. Voloshin, M. I. Tsvetaeva and O. E. Mandelshtam, the author considers the relation of the poet's individual features in the content, structure, and representation means of the key literature concepts at the turn of the century.

Key words: *chaos concept, poetic discourse, stylistic usage, idiostyle, textual associates, association directions.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: nisb@sibmail.com